

“УПРАЗДНЕННЫЙ ТЕАТР”

Моск. правда. - 1994. - 30 июля. - с. 5.

Булат Шалвович ОКУДЖАВА не дает интервью. Почему? А зачем, если мысль в оригинале никому не нужна. (Один речистый журналист, искажая слова Окуджавы, сделал вывод, что Поэт доволен стрельбой по Белому дому...)

Свист пуль знаком Булату Шалвовичу еще с Великой Отечественной, и можно предположить, как болезненно переживал Окуджава трагедию мирного времени. Можно допустить, что он резко отозвался, осудил обоюдные убийства, но быть довольным?! Бред...

Эта беседа была записана на факультете журналистики МГУ, где Окуджава встречался с молодежью. Мы отобрали лишь некоторые вопросы, звучавшие на встрече с Поэтом...

— Булат Шалвович, вы помните, как вас называли в детстве?

— Конечно, помню! Когда я родился, папа и мама долго думали над именем. Знаете, в то время люди очень увлекались чтением, театром. Моднo было давать детям имена популярных героев. Меня назвали в честь Дориана Грея, но папа не мог выговаривать это имя, и возникали нелепые ситуации: “Когда мы будем этого купать?” — спрашивал он или: “Ты этого уже покормила?” Потом с облегчением меня переименовали в Булата, но так стали звать только когда я вырос, а в детстве... В детстве называли Кукушонком. Ку-ку. В Грузии принято сокращать имена, я по традиции и стал Ку-ку, пока не повзрослел.

— За что ваших родителей репрессировали?

— Мои отец и мать были честными людьми. Идеи служили вслепую... В 1937-м расстреляли отца. Мать посадили в 1938-м, просидела девятнадцать лет.

Я сам очень красным был. Я был счастлив, что кругом арестовывают врагов. Мне казалось, что в ГУЛАГе все преступники, лишь мои родители попали случайно, по какому-то страшному недоразумению...

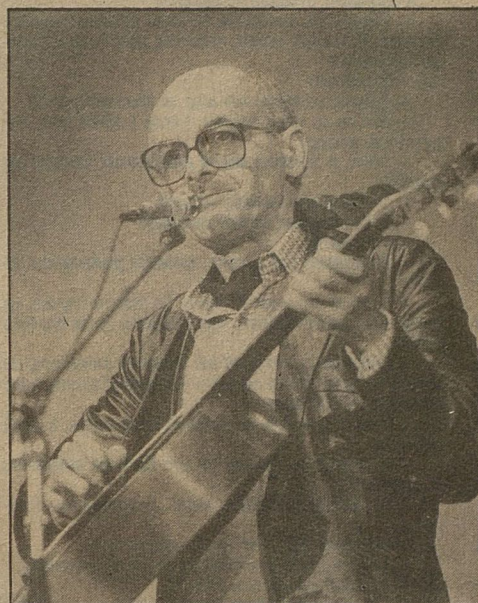
— А каким было ваше детство? Вы чувствовали какое-то особое предназначение?

— Конечно, чувствовал. Я был очень тщеславным мальчиком, и мне всегда казалось, что в моей жизни должно быть что-то особенное, замечательное. Я думал, что, может, мой день рождения выпадает на какой-то особый день. Постоянно смотрел в календари. Нашел 9 мая только одно событие — XIII сельскохозяйственную конференцию в Тамбове и очень расстроился, а потом 9 мая случился День Победы. Я всегда думал, что 9 мая будет чем-то значительным. Я был очень тщеславным, пока не научился смеяться над собой. С детства.

Когда мне было одиннадцать лет, я уже писал стихи. Жил я тогда в Тбилиси у дядьки с теткой, и они были моими горячими поклонниками. Каждое стихотворение принималось восторженно. Меня очень любили и стихи хвалили всегда. Потом дядька сказал: “А почему бы тебе не издать книгу? Книгу своих стихов”. “Действительно!” — по-

ДОРИАНА КУ-КУ...

думал я и на следующий день отправился в Союз писателей. В тот момент, когда я к зданию приблизился, к нему подъехала машина. Я отправился вслед за вышедшим из нее человеком, зашел за ним в кабинет и говорю: “Я хочу издать книгу своих стихов”. “Очень хорошо! — сказал человек (это был председатель Союза писателей Симон Чиковани). — Но у нас нет бумаги”. Я побежал домой и все рассказал дяде. “Сколько надо бумаги?” — спросил дядя, и на следующий день я опять прибежал к тому зданию, но на счастье Симона Чиковани он отсутствовал... Мы все очень смеялись над этим случаем.

— В жюри премии Букера вы попали каким образом?

— Сейчас расскажу.

Позвонили иностранцы и говорят: “Мы хотим включить вас в жюри!” — “О! Большая честь!” — “Мы хотим вас в Лондон!” — “О-о!” — отвечаю я. (А вы бы отказались?)

На следующий день мне привезли кучу литературы. 90 процентов просто хлам. Я был отравлен на целый год.

— Булат Шалвович, как вы оцениваете пройденный путь?

— ... Жизнь была нелегкой, чтобы не сказать трудной. Я написал об этом книгу и назвал ее “Упраздненный театр”.

Это автобиографический роман. Все мельчайшие детали — моя жизнь... Почему “Упраздненный театр”?

В один прекрасный день я, будучи уже молодым человеком, почувствовал, что предназначение мое выполнено. Понял, что не совершу

открытия. А потом подумал о театре: как он рождается, как становится популярным и... как умирает... Нет! Конечно, остается название, в театр ходят люди, но того, настоящего театра уже нет. Театры живут 20 — 25 лет. Я считаю, что предназначение, данное Богом, я выполнил. Может, по своему грузинскому легкомыслию я не думал о том, как примут мое творчество. Я делаю так, как хочу, и не жду взамен ничего. Даже если меня освистают — я все равно буду делать так, как хочу! Все мы относимся иронично к другим, а к себе — нет. Этому надо учиться. Долго и упорно. Вы знаете что такое свобода? Как-то я задал этот вопрос одному плотнику. Он ответил: “Свобода — это делай, чего хочешь”. Тогда я ему сказал, что “свобода — это делай, чего хочешь, лишь бы не мешать окружающим!” Плотник не понял.

...Я испытываю большое несчастье, наблюдая все, что у нас происходит, но с другой стороны — счастье. В молодости я никогда не мог представить, что режим может рухнуть. Я пытался сделать его немного мягче.

Вспоминая историю государства Российского, я последние два года становлюсь пессимистом, потому что история России печальна. Вдруг я понял, что демократии в России никогда не было. Чтобы высказывать демократические взгляды, нужно жить в демократическом обществе. У нас в стране демократии нет. Мы все советские люди. Демократия должна быть в крови. Откуда демократия в крови у холопов?! Пока не разрушилась наша психология, мы все в душе советские люди. Нужно сорок лет, чтобы это забыть (как Моисей вел евреев сорок лет по пустыне, чтобы очистились). Я был очень огорчен, когда наши правители в панике стреляли в людей, по Белому дому... Но был рад, когда вывели Хасбулатова и Макашова. Я их терпеть не могу...

— На ваш взгляд, каким вообще должно быть государство?

— При всех приятных чертах социализма я понимаю, что это утопия.

Я считаю, что государство — это большая жэковская контора, которая принимает у нас налоги, защищает нас, помогает в старости и больше нигде не лезет, существует обособленно.

— А писатель должен участвовать в политической жизни страны?

— Должен?! Не то слово...

Я родился в Москве, на Арбате. Отец — грузин, мать — армянка. Вырос с русскими и считаю себя русским по духу. Я гражданин своей страны. Я так или иначе в политической жизни участвую, читая газеты или смотря телевизор, но “должен” — это слово не подходит. Никто никому ничего не должен!

...Когда я говорил об упраздненном театре, это не значило, что я умер. Нет. Писать я буду всегда. Хотя на необитаемом острове.

Василий ЧУЧУПАЛ.